

Арманд Мелналкнис

Амберг, Германия

СТО ЛЕТ ЗАБВЕНИЯ: РАЗМЫШЛЯЯ О «ЗАПИСКАХ» ЭЛЬМАРА РИВОША

Время беспощадно отнюдь не только потому, что приближает каждого из нас к неизбежному; оно различает нас с необыкновенными людьми, относительно которых только сейчас начинаешь понимать, как хотелось бы именно с ними поговорить с глазу на глаз обо всем — и ни о чем, следовательно, о жизни. Но, увы, — меж нами мрачное море лет, которое почти поглотило навеки имя выдающейся личности. В связи с выходом в свет книги Эльмара Ривоша, приуроченной к его юбилею, просто невозможно удержаться от желания перефразировать Маркеса, обозначив это событие как «сто лет умолчания» или, еще точнее, «сто лет забвения».

Именно так, поскольку лишь чуть более полувека довелось ему прожить на белом свете и почти столько же прошло с его преждевременной смерти. Итого — сотня, так что пора отдавать долги, дорогие современники.

Помню Эльмара Ривоша очень смутно, ибо, когда было можно вернуться вблизи него, мне было слишком мало лет¹ и, само собой разумеется, наши интересы не слишком совпадали. Гораздо интереснее было спорить с его дочерью Наталией, подходившей мне по возрасту, и решать лингвистические проблемы — как правильно пишется слово «штукатурка», причем один из нас настаивал на версии «щекатурка», а другой — что «щикатурка» будет правильнее (в детстве мы друг с другом говорили по-русски). Споры были жаркими, но оба остались при своем мнении. Однако было нечто, что в некоторой степени сблизало столь разнящиеся поколения, точнее, приближало меня к взрослому дяде, который запомнился как жизнерадостный живчик с рыжими усами и венчиком редящих таких же рыжих волос, обрамлявших высокий лоб и черепом, сверкавшим, как бильярдный шар. Дело в том, что этот взрослый человек как по шучьему велению мог мгновенно превращаться в мальчишку-сорванца, громко орущего, свистящего и размахивающего длинной жердью с тряпкой на конце. Эти превращения происходили достаточно часто, ибо Эльмар, любивший жизнь и всякую живность, особое предпочтение отдавал голубям и собакам. О женщинах и не говорю, это само собой разумеется и представляется священным долгом каждого настоящего мужчины...

Голубей Эльмар держал и растил на чердаке своего деревянного дома в Задвинье, и вышеупомянутые превращения с их хозяином происходили каждый раз, когда птиц следовало погонять, — дабы они не утратили навыков полета, воркуя в ленивом безделье своих гнезд. Я имел счастье подниматься в это святылище, и слух сохранил в памяти трепетание голубиных крылышек, царапанье ко-

---

¹Перевод с латышского Наталии Каже.

Нина Сергеева. Фото 1939 г.

Татьяна Сергеева. Фото конца 40-х гг.

готков и воркование, а обоняние не забыло особый запах голубиноного помета. Наверху же, рядом с голубятней, располагалось и другое святилище — мастерская скульптора. Поэтому зачастую трудно было различить, какие из покрывавших чердак белых пятен имели органическое, а какие — минеральное происхождение, поскольку засохший голубиный помет белел так же, как и основной материал скульптора — гипс.

В своих воспоминаниях об отце Наталия упоминает, что для малышни отцовская мастерская была неким табу. Однако у меня есть смутные подзвучения, что именно там мне удалось впервые попробовать свои силы в лепке. Иначе какого черта меня чуть позже зачислили в художественный кружок Дворца пионеров? Моим первым шедевром стала колбаса в натуральную величину, изображенная на глиняном постаменте. По чистой случайности я как бы материализовал объект наиболее страстного поклонения советских людей, тот самый, в очереди за которым они были готовы стоять вплоть до светлого коммунистического будущего. На самом деле именно этот синеватый шматок реалистически отражал то, что им подсовывалось вместо колбасы в любое время и без всяких ограничений.

Искренне жаль, но моя память коротка, хотя в ней ярко запечатлелся эпизод далекого прошлого, непосредственно связанный с образом Эльмара Ривоша. Небольшое отступление: моя любимая тетя Нина — старшая из трех сестер Сергеевых — прошла всеми мрачными дорогами войны в рядах Красной армии от первого до последнего дня, была

и ранена, и контужена, однако вернулась домой, как говорят, «цела и невредима». Увы, шестью годами позже она погибла от энцефалита, вызванного укусом ничтожного клеща. Несколько дней она боролась со смертью в Первой городской больнице Риги, и мой дед, доктор Сергеев, не отходил от нее. И вот в нашу квартиру на улице *Gertrüdes* пришел Ривош. Бабушка сидела в кресле, а Эльмар, подойдя к ней, долго молчал, опустив голову, и наконец выдавил из себя три слова: «Нины больше нет». И тогда раздался жуткий крик бабушки...

В материалах книги Ривоша Нина Сергеева упомянута в числе женщин, которые его любили. К сожалению, никаких иных сведений, подтверждающих или освещающих этот факт, в текстах самого Эльмара нет.

Со стыдом признаюсь, что многого не знал и по молодости и глупости не удосужился поинтересоваться, многого не знаю и сейчас. При этом и сама жизнь в Великом Совке весьма способствовала манкуртизму, поскольку волшебный город Солнца был обещан именно незнакомкам. Достаточно большая доля вины приходится и на моих предков, поскольку многое значимое от меня по-

просту скрывалось. Единственное, что их в определенной степени оправдывает, — они и сами таились. Всю свою жизнь я толком не осознавал, кем мне приходится Эльмар Ривош, дальний, но родственник, и кузиной какой степени является его дочь Наталия. Даже тот факт, что первый вариант жестких воспоминаний Эльмара печатала на машинке моя мама Татьяна Сергеева, я узнал только теперь, прочитав его книгу.

Через несколько десятков лет, прошедших со времен нашего «счастливого детства», я вновь в эпоху расцвета Народного фронта Латвии столкнулся со своей отдаленной кузиной Наталией Каже. Из ее рассказов я, наконец, понял, какова степень нашего родства, и прочел «Погреб» — часть записок Эльмара Ривоша. Был совершенно потрясен, когда узнал, что Эмма Приеде и ее родные, которые помогали прятать Эльмара, так и остались в безвестности. Более того — попытки Наталии заинтересовать в их судьбе еврейскую общину и хотя бы добиться реальной помощи в виде лекарств для глаз слепнувшей, но тогда еще живой Эммы остались без видимой реакции. Режиссер Герц Франк выкинул эпизоды с Эммой и ее дочерью из фильма «Еврейская улица», правда, не отказавшись взять у нее на память старинный молитвенник. Тогда, примерно лет 19 назад, будучи уже далеко не юношей, однако сохранив способность вспыхивать негодованием (кстати, эта способность мною не утрачена до сих пор, возможно, из-за весьма сложного состава крови), я буквально взорвался. Поскольку осознал, что десятилетиями непубликуемый, фактически замалчиваемый материал представляет собой не только важное свидетельство, но и является превосходно написанным литературным произведением². Более того — это явилось и неким толчком, побудившим меня обратиться к истории собственного происхождения, или, как я это назвал, «тайнам семейного двора».

В результате изысканий нарисовалась следующая весьма космополитическая картина. Со стороны отца — латыши с польской и, думается, русской примесью, со стороны матери — армяне и евреи в равных долях. Национальность бабушки, естественно, афишировать я не стал — достаточно испытал на себе как государственный советский, так и бытовой антисемитизм, вызванный темным цветом волос. Может показаться, что слишком длинный экскурс в мою собственную генетику не имеет ничего общего с автором «Записок», однако нет... Ибо одно — ощущать себя «истинным латышом», бить себя в грудь и не уклоняться от ответственности за «отстрел жидов», как это сделал наш тогдашний президент Гунтис Улманис в то самое время, когда иные латыши тянули резину с процессом Конрада Калейса и были готовы лить слезы над бедным слепым, глухим и потерявшим память стариком. И нечто совсем другое — осознавать, что в твоих жилах струится кровь, в некотором роде уникальная, поскольку оба народа — и евреи, и армяне — пережили жуткий геноцид. И эта кровь, горячая армянская в особенности, жаждет безоговорочного отмщения.

Немецкий народ, кажется, раскаялся в преступлениях Третьего рейха и даже страдает неким комплексом неполноценности при каждом (уместном или неуместном) упоминании о Холокосте. Тогда как турки, которые в прошлом веке открыли путь к массовой резне на основе этнической принадлежности и перебили несколько сотен тысяч армян, врут в глаза цивилизованному миру и категорически отрицают факт геноцида.

А теперь о латышах, к которым всю жизнь по ощущениям принадлежал на все сто процентов и с этим чувством и умру. Мне, подчеркиваю, — как латышу — бы-

Ваган Сергеев с супругой Еленой (в центре, доводилась двоюродной сестрой матери Эльмара Ривоша) и первой женой Э. Ривоша Алей (Ольгой, урожд. Гуревич; погибла в Холокосте) в своем саду в Крустпилсе. Конец 30-х гг. Фото из архива семьи Э. Ривоша, не вошедшее в его книгу

ло тяжело и горько читать книгу Эльмара Ривоша, в особенности описания фактов «развлечений» так называемых патриотов в Агенскалнских соснах, при создании Рижского гетто и ликвидации его обитателей, о рижских дворяниках — пособниках убийц, обогатившихся за счет окровавленного добра бывших хозяев — евреев. Перечисление подобных «подвигов» моих соотечественников можно было бы продолжить (правда, не следует думать,

что украинцы, литовцы или те же русские антисемиты в ряде городов, занятых немцами во время Второй мировой войны, отличались большей порядочностью), однако даже больше, чем некогда проявленный подонками-соотечественниками садизм, меня гнетет иное. А именно абсолютное безразличие подавляющего большинства народа и, как мне кажется, молчаливое согласие с акциями уничтожения. Иначе как бы удалось в столь краткий срок «установить порядок» на всей бывшей территории Латвийской Республики, руками «патриотов» оперативно уничтожить евреев Даугавпилса, Крустпилса, Резекне, Лиепая — словом, всюду? Рижское гетто было организовано не только как своеобразный терминал для большего удобства убийц — ведь люди считали, что их лишь изолируют до окончания войны. Следовательно, надеялись, ремонтировали трущобы, тащили туда мебель, запасались продуктами и топливом.

В соответствии с гитлеровской расовой теорией мой дед Ваган Сергеев как армянин причислялся к арийцам и, следовательно, репрессиям не подлежал. Его, некогда военного врача царской армии, на территорию нынешней Латвии, а тогда Латгалии, которая входила в состав Витебской губернии, занесли ветры Первой мировой войны. Здесь он женился на еврейке из Крустпилса, моей бабушке, стал гражданином новоиспеченной республики и городским врачом города Крустпилса (была такая официальная должность). Следовательно, по тем временам был мой дед весьма уважаемым человеком.

Советские «освободители» в 1940 г. моего деда от занимаемой должности «освободили», и до глубины души оскорбленный армянин со всей семьей перебрался в Ригу. Следует отметить — весьма своевременно, ибо по приходе очередных «освободителей», на этот раз уже немецких, всех родных бабушки расстреляли с остальными евреями Крустпилса. Эльмар Ривош, который тоже был уроженцем Крустпилса, в это время жил в своем деревянном доме в Риге, в Задвинье. Не могу оставить без упоминания несколько зверств «патриотов» из Крустпилса и

Екабпилса — они изнасиловали еврейскую девушку Шифру Гальсман, отрезали ей груди и утопили свою жертву в Даугаве (в нашем семейном альбоме сохранилась ее фотография).

Мой дед весьма оперативно «внес исправления» в документ, где была указана бабушкина девичья фамилия, а советский паспорт, где она значилась русской, оказался настоящим Божьим подарком. И с

тех пор она преобразилась в православную русскую, для большей правдоподобности перекрасившись в блондинку. Однако возникшее чувство безопасности оказалось мнимым, ибо вскоре на одном из рижских рынков бабушка нос к носу столкнулась со знакомой по Крустпилсу учительницей латышского языка госпожой Штраус, женой бывшего офицера артиллерийского полка латвийской армии. Госпожа офицерша от изумления почти лишилась дара речи и вымолвила: «Как, вы еще живы, разве вас в с е х еще не расстреляли?» В голосе представительницы сей гуманной и благородной профессии звучало искреннее возмущение. Стало ясно, что в Риге оставаясь рискованно³, и деду удалось в департаменте здравоохранения добиться перевода на работу в Дундагу. Такие метания по городишкам Латвии с переменной места службы продолжались в течение всего немецкого времени.

«Записки» Эльмара Ривоша странным образом пробудили во мне воспоминания о том, чего я в действительности не пережил. Это некие фантомные воспоминания, подобные тем фантомным болям, которые терзают больного после ампутации, имитируя боль в уже отсутствующей конечности. В семейном альбоме Сергеевых сохранились фотографии первой жены Эльмара Али с их маленьким сынишкой Димой. Раньше мои глаза просто скользили по этим образам — без мыслей, без чувств. Однако теперь, читая книгу, меня пронзила острая боль. Я в с п о м н и л их в ту холодную ночь акции на окровавленном снегу улицы Лудзас. Я в с п о м н и л и двадцатилетнюю красавицу Миу Эпштейн, сидящую обнаженной напротив фотографирующего ее убийцы в дюнах Шкеде. В жуткий мороз, нагая, она скрещенными руками пытается прикрыть прекрасную грудь, которой никогда не будет кормить ж и д о в с к о г о младенца. Эта фотография, неоднократно опубликованная в печати, не дает мне покоя. Миа смотрит мне в глаза, смотрит в глаза моему латышскому народу, но ответа на свой немой вопрос «За что?» не слышит. И мне не ясно — почему ушедших на пенсию садов и убийц типа Калейса и Фарбтуха необходимо жалеть больше, чем несчастную Миу, только потому, что, в отличие от нее, им удалось прожить почти век безнаказанными и нераскаявшимися?

Лиепайчанка Миа Эпштейн (сидит) перед расстрелом в дюнах Шкеде близ Лиенаи. Декабрь 1941 г.

Мне горько потому, что выродки с зелеными повязками⁴ на рукавах запятнали латышский народ, его историю. Мне горько потому, что в течение 65 лет, минувших с тех кровавых ночных пиршеств, историки и политики не говорили нам всей скорбной правды, и только теперь, наконец, вышли труды Латвийской комиссии историков по Холокосту. Неудивительно, что книга Эльмара Ривоша более полувека не могла найти дороги к читателю. Мне горько, что среди латышского народа нет ни искреннего раскаяния, ни противодействия антисемитизму и расовым выходкам.

Естественно, мне сразу возразят, что в Латвии антисемитизма нет, как в свое время в СССР не было ни секса, ни проституции. Поскольку, видите ли, в Латвии приняты правильные и соответствующие демократическим нормам законы, которые признают недопустимыми пропаганду расовой вражды и ксенофобию. Более того — подчеркивается, что национальные меньшинства обладают всеми возможными правами. И в то же время... Приведу только одну цитату для примера: «Рута Марьяш, 1927 г. рождения, юрист, представляет тот народ, который вечно требует равноправия, однако признает только то равноправие, при котором ему удастся быть равнее других». Именно такими словами в своей книге воспоминаний характеризует еврейский народ Арнольд Берзс, бывший депутат Верховного Совета Латвийской ССР, следовательно, законодатель. Следует отметить, что в этом Совете наряду с латышами за Декларацию независимости Латвии 4 мая 1990 г. одновременно голосовали и представители других национальностей, в том числе евреи Рута Марьяш и Маврик Вульфсон. Само собой разумеется, что за этот плевок в лицо многострадального народа к ответу А. Берзса никто не попытался призвать, зато его признали достойным получить орден Трех Звезд.

Здесь же можно упомянуть и ряд повторных публикаций некоторых книг немецкого времени, а также переиздание мерзких антисемитских карикатур, изданных в ульманисовские времена, не говоря уж о последних скандалах, когда сравнение цыган и евреев с подлежащими уничтожению клопами, по мнению прокурорши Иевы Гаранчи, не носит признаков уголовно наказуемого разжигания расовой вражды. Однако никто из новоявленных «патриотов» пока наказан не был. Следовательно, нынешняя власть умеет найти «смягчающие вину обстоятельства» либо просто притвориться глухой и немой. При этом рядовому обывателю все это «до лампочки». Следовательно, несколько лет назад прозвучавшее из уст Гунтиса Улманиса извинение перед еврейским народом не многого стоит. Ибо достаточно лицемерно просить прощения от имени народа, никакого раскаяния не испытывающего.

Меня тошнит, когда слышу о том, как некий известный латышский историк, оценивая книгу Эльмара Ривоша, начинает искать в ней блох. В частности, страшным грехом автора воспоминаний и роковой неточностью является утверждение о том, что жидов стреляли вовсе не автоматами и пулеметами, а простыми винтовками. Это, бесспорно, весьма существенно и, очевидно, является смягчающим вину убийц обстоятельством.

Тот факт, что автор действительно ошибся, косвенно подтверждается удалой латышской песенкой немецкого времени, которой я наслышался в разных веселых компаниях и гораздо позже: “*Ņem, brālī, plinti, šauj žīdus Gaujmalā!*” («Бери, браток, винтовку, пошли стрелять жидов на берег Гауи») и затем: “*Stobri jau karsti, bet žīdi nāk un nāk...*” («Стволы уж раскалились, а жида все идут и идут...»).

Конечно, уделив своим соотечественникам-латышам порцию достаточно горьких и, смею думать, вполне заслуженных упреков, отмечу — и отнюдь не в поисках оправдания себе и своим, — что нет такого народа, в который бы не затесались собственные выродки, уроды и человеконенавистники. Это же относится и к еврейскому народу. Уж так исторически сложилось, что народ этот был рассеян по миру и преследовался особо. И в любой стране евреи скрытно сопротивлялись ассимиляции, умели сохранить собственную веру и идентичность, одновременно органически принимая язык и культурные ценности страны обитания. Мне кажется, что еврейский народ — себе на счастье и горе одновременно — приобрел в ходе этих вековых преследований особые черты, а именно обрел способность покоряться, не покаясь. Трагическая роль исключительного положения вечного жертвенного агнца (или козла отпущения), необходимость быть объектом, целью чьего-то преследования, вечно виноватыми, в основном без вины. Быть объектом, за которым постоянно наблюдают, каждый шаг которого оценивают — и ждут предлога, оплошности, ложного шага, а еще лучше — агрессии. В последнем случае «Хрустальная ночь» объявляется без малейших угрызений совести. Поэтому трудно представить себе то зло, которое своими выходками причиняют своему многострадальному народу такие политиканы, как Татьяна Жданок и Яков Плинер. Иногда даже возникает подозрение, что их специально наняли для провокации антисемитских настроений в Латвии...

Может показаться, что я слишком отделился от текста книги, которая с опозданием на 60 лет отнюдь не потеряла своей ценности. Но нет. Ведь все эти тяжкие мысли были вызваны именно книгой, возникли благодаря ей. Скажу без преувеличения: «Записки» Эльмара Ривоша и потрясающее исторически достоверное свидетельство, и прекрасная литература. Описанные в книге страдания людей не обобщаются, не лакируются, лишены дешевого сентимента. Люди не представляются трагическими страдальцами, что типично для описаний Холокоста. Ривош беспощаден в описании носителей пороков — кое-кого из обитателей гетто, сохранивших трусливую корысть, способных и в этих трагических условиях еще наживаться на страданиях собратьев, хотя, в сущности, это всего лишь драка в аду за наиболее блестящий котел со смолою. Пронзительно ярок эпизод, в котором описана встреча автора с бывшим «зонтичным фабрикантом», который, обитая в трущобе, отнюдь не утратил своих «доблестей» — пустого самодовольства и гонора «денежного мешка», патологической скупости и пренебрежительного отношения к «бедному родственнику» — печнику, без которого обойтись не может. Такие яркие отрицательные маски усиливают ощущение достоверности событий. Увы, люди разные, события разные — но исход для всех один.

Личность самого автора ярко раскрывается в его манере письма. Крепкий, об разный язык, хорошо построенная, мужественная проза, легкий оттенок художественной шалости, парадоксальный, я бы сказал, серьезный юмор, острый взгляд, критичный и самокритичный одновременно. Это краткая оценка, некоторое обобщение о текстах в целом. Не может быть двух мнений — в середине прошлого века нашим современником был премного талантливый, причем в самых разных областях, человек.

Особое восхищение вызывает его фантастическое жизнелюбие, способность в самых жутких условиях не ныть, а действовать, чтобы выжить, чтобы помочь самому себе, своей семье и даже посторонним. Человек, изучавший искусство и

архитектуру в Риге, пополнивший свои профессиональные знания в Париже, самые основные познания в области предмета, именуемого Жизнью, приобрел как самоучка, причем не на уровне посредственного дилетанта, а талантливого автодиакта. Поскольку клась первоклассные печи ни в Латвийской академии художеств, ни в Академии Коларосси в Париже, ни на архитектурном факультете Латвийского университета не учили (хотя к строительству вообще факультет имел прямое отношение). Бог знает, как и где он ухитрился освоить еще кучу разных ремесел, — но тот факт, что у него были и золотые руки, дополнительно свидетельствует о богато одаренной натуре.

Но самое большое восхищение у меня вызывает то качество (или способность) Эльмара, которой трудно подыскать точное название. Конкретно — в противовес очередному «потерянному поколению» эпохи Второй мировой войны, души представителей которого как бы окаменели и обуглились от страданий, утратив нормальные человеческие чувства, Эльмар отнюдь не пал духом и не погрузился в бездну отчаяния. Лишившийся любимой жены, матери и собственных детей, шедший в буквальном смысле слова по крови своих собратьев (вспомните леденящую душу сцену на Старом еврейском кладбище) оказался способным влюбиться, вновь создать семью, дать жизнь ребенку. Его любовные письма Людмиле Знотынь, написанные в погребке, и трагичны, и моментами граничат с безумием по своей страстности. Нужно быть невероятно сильным и мужественным человеком, чтобы быть способным на такое чувство к женщине и жизни, находясь самому на волосок от гибели.

Мне лично очень близка бытовая неприхотливость Эльмара, его демократизм, несколько презрительное отношение к «столпам» и бараклу, которое, как известно, точит ржа и ест моль. Я уверен, что истинный, талантливый художник обязательно должен быть в оппозиции по отношению к любой власти, каким бы «человеческим лицом» она ни пыталась бы первое время обольщать народ.

Как следует из текста, Ривош поначалу не избежал искушения коммунистическими идеалами и советской властью (она же его выпустила из погребка), навязанной Латвии, принимая ее за чистую монету. Выжив и пережив ад фашистской оккупации, потеряв самых близких и дорогих, он ждал советских освободителей, которые на тот момент ими действительно являлись. Он не знал того, что нам, «великим мудрецам», известно теперь. А именно: что «великие освободители» после победы в войне поработили народы Восточной Европы и пролили не меньше крови, чем гитлеровские головорезы.

Однако довольно скоро, в 1948 г., на Эльмара нашло просветление, за которое он, как мне кажется, заплатил жизнью. За несколько граммов уцелевшего в гетто золота его, очевидно, хорошенько обработали после ареста в подвалах чека. Подобного свидетельства в тексте прямо нет (однако его кошмарные сны, в которых смешались видения войны и возможной ссылки в Сибирь, о чем-то говорят), и, насколько мне известно, он ни полусловом не обмолвился о том, что с ним там проделывали. Но жуткие головные боли, которые стали его терзать достаточно скоро после освобождения из пресловутых подвалов, говорят сами за себя. Кровоизлияние в мозг и паралич, последовавший за длительными страданиями (а ведь он был тогда сравнительно молод и физически исключительно крепок), очевидно, был следствием побоев по голове, вызвавших микрокровоизлияния в мозг. Мистический диагноз «тригеминальная невралгия», насколько мне известно, кровоизлияния не вызывает. Версия о «разнице температур», спровоцировав-

шей инсульт, на мой взгляд, не выдерживает критики. В любом случае — разочарование в советской власти, которое чувствуется в последних рассказах, совпало с болезнью, нуждой и разочарованием в жизни. Свидетельством тому стали его сны, которые до боли напоминают призрачный мир героев Кафки.

Не останавливаюсь подробно на до- и послевоенных рассказах, хотя это тоже достойная проза, легко читается, доставляет наслаждение и вызывает досаду, что так мало было автором написано. Очевидно, Эльмар, как уж щедро одаренный человек, среди прочих даров к своим писательским способностям относился пренебрежительно и пустил их, как говорится, на самотек. С другой стороны, ясно, что основную часть «Записок» представляют «Начало конца», «Началось» и «Погреб». В связи с этим могу добавить только одно, а именно: истории исключительно повезло, что такое документальное свидетельство оставил талантливый писатель.

Вообще-то книгу Эльмара Ривоша, особенно ее самые леденящие душу страницы, невозможно ни пересказывать, ни комментировать — можно только сопереживать и сострадать. Если, конечно, душа в благополучии современной жизни не обросла жирком, а сердце в поисках житейских благ не стало импотентным. Сто лет безмолвия миновали, и теперь Эльмар Ривош с нами. Надеюсь — навечно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арманд Мелналкснис (р. 1943) — поэт. Родился в Страздской волости (Талсинский уезд) в семье врача, окончил 24-ю вечернюю школу в Риге (1968) и Высшие литературные курсы в Москве (1979), член Союза писателей Латвии с 1975 г. На рубеже 80—90-х гг. был активистом Народного фронта Латвии, в течение ряда лет — секретарем Ассоциации национально-культурных обществ Латвии. С 2004 г. в эмиграции. — *Ред.*

² А. Мелналкснис поспособствовал опубликованию этой главы на латышском языке в переводе дочери Э. Ривоша в газете “*Literatūra un Māksla*” («Литература и искусство»), кстати, благодаря помощи тогдашнего ее редактора, ныне, увы, покойного поэта Мариса Чаклайса. — *Прим. переводчица.*

³ Как я понимаю, это было уже после побега Эльмара Ривоша из гетто, приблизительно весной 1942 г. — *Прим. переводчица.*

⁴ Имеются в виду так называемые «повязочки» (см. прим. 3 на с. 203).